

—

На следующее утро, когда Сяо Шань проснулся, мирно потягиваясь, солнце уже ярко светило. Он пошарил рукой рядом, но наткнулся лишь на прохладную пустоту. Мысль мелькнула в голове Сяо Шаня, и он окончательно открыл глаза, обнаружив, что Се Чжуй рядом уже нет.

Сяо Шань моргнул, не двигаясь, на его лице появилось выражение глубокого сомнения в происходящем. Он был уверен, что прошлой ночью Се Чжуй был настолько измотан, что не хотел двигать и пальцем, а под конец даже заплакал от его издевательств.

Когда он поднялся, Се Чжуй уже закрыл глаза и мгновенно уснул крепким сном. Он сам лично искупал Се Чжуя, а затем, обняв его, глубоко заснул.

Почему же утром Се Чжуй проснулся раньше него? Разве он не должен был лежать рядом, обессиленный?

Сяо Шань потёр свою поясницу, с серьёзным выражением лица сел. Он оделся, затем позвонил в колокольчик, чтобы Цзи Ань принёс воду для умывания.

После умывания Сяо Шань спросил: «Где Се Чжуй? Ел ли он что-нибудь?»

Цзи Ань с улыбкой ответил: «Ван Цзюнь сейчас просматривает учётные книги и наводит порядок в сокровищнице. Он ещё не завтракал, сказал, что будет ждать Ваше Высочество».

Сяо Шань подумал про себя: «К счастью, я не услышал, что Се Чжуй упражняется с клинками, иначе моя самооценка и поясница пострадали бы». Но он был немного недоволен, его узкие брови плотно сдвинулись: «Зная, что он голоден, почему не разбудили меня?»

Цзи Ань скривил лицо и сказал: «Ваш слуга хотел, но Ван Цзюнь не позволил, сказав, что если Ваше Высочество не идет на утренний суд, то пусть проснётся естественно».

Сяо Шань хмыкнул: «В этом княжеском поместье ты слушаешь меня или Се Чжуя?»

Цзи Ань мгновенно изменился в лице, преданно выражая свою верность: «Ваш слуга, конечно, слушает вас, Ваше Высочество. Но Ван Цзюнь жалеет вас, Ваше Высочество, а Ваше Высочество жалеет Ван Цзюня, так что в мелочах ваш слуга должен слушаться обоих».

Сяо Шань искоса взглянул на него: «Ты такой красноречивый. Ты так много сказал, чтобы получить от меня хоть что-то. Тогда я дам понять, что Се Чжуй — еще один хозяин этого поместья, и если его словам никто не будет подчиняться, то я не буду держать в этом поместье

непослушных людей. Но вы, обычно, должны быть сообразительнее и внимательнее. Он не разрешал вам будить меня, но разве вы не могли уговорить его сначала поесть?»

Цзи Ань подумал про себя: «Они уговаривали, но Ван Цзюнь сам не хотел».

И потом, какая супруга или супруг не ждёт, пока господин не поест вместе с ними.

Се Чжуй очень осторожен в душе, он, конечно, не желает ошибиться в этом отношении и дать кому-либо повод для придирок.

Им, слугам, трудно: хочешь угодить одному, другой недоволен; угодить обоим не получается, а если рассердишь обоих, то это верная смерть.

Быть хорошим слугой трудно, быть хорошим слугой, способным избавлять господина от забот и быть ему по душе, ещё труднее.

Сяо Шань не обращал внимания на его мысли.

Он приказал Цзи Аню приготовить еду, а сам отправился в кабинет к Се Чжую.

Се Чжуй действительно был очень осторожным человеком. Он однажды спросил Сяо Шаня о пределах своих действий в княжеском поместье, особенно о кабинете: можно ли туда входить и пользоваться им. В сознании Се Чжуй кабинет был местом для хранения ценных вещей или секретных писем, а некоторые даже строили в кабинете тайные проходы или потайные ящики для хранения вещей.

В такие места обычно не пускали посторонних.

В то время Сяо Шань очень честно сказал: «Почему бы и нет? Мой кабинет просто для виду, книги в нем, кроме нескольких рассказов, совершенно новые и ни разу не были прочитаны. Если хочешь пользоваться кабинетом, хочешь читать, пожалуйста».

Затем он сам лично провел Се Чжуй по кабинету.

Се Чжуй, войдя, понял, что его слова были правдой.

Кабинет Сяо Шаня, если окинуть его взглядом, был простым, аккуратным и просторным. Книжные полки были расставлены разумно, прочитанные и непрочитанные книги лежали отдельно. Сяо Шань самым практичным стилем оформления показал входящему, что он действительно не любит читать книги, которые должны изучать учёные.

Увидев всё это тогда, по какой-то причине Се Чжюю захотелось улыбнуться.

Или, возможно, из-за долгого пребывания на границе, где он привык видеть разных людей, его нервы всегда были натянуты. Теперь, встретив такого прямолинейного человека, да ещё и находящегося с ним в столь тесных отношениях, ему захотелось улыбнуться.

—

Се Чжуй пробыл в кабинете некоторое время.

Когда Сяо Шань нашёл его, он смотрел в учётные книги на столе, погружённый в свои мысли.

Сяо Шань подумал, что его ошеломили эти учётные книги поместья, поэтому подошёл и отодвинул их в сторону: «Не голоден?»

Се Чжуй очнулся, его взгляд из призрачного стал острым. Когда в его глазах отразилось лицо Сяо Шаня, эмоции в них снова сменились на спокойствие и смущение. Он опустил глаза, встал и честно сказал: «Ваше Высочество не приходил, и я не чувствовал голода, но когда Ваше Высочество пришел, я почувствовал, что голоден».

Услышав это, Сяо Шань взглянул на него сложным взглядом, тихо и невнятно пробормотав: «Отстал, отстал, он умеет флиртовать даже лучше меня...»

Се Чжуй не расслышал его слов, поднял глаза и в недоумении спросил: «Что?»

Сяо Шань махнул рукой и сказал: «Что я сказал, неважно, главное – сначала утолить голод».

Се Чжуй медленно произнёс «о».

Когда они вернулись, Чуньтао и другие уже накрыли стол. Увидев их, несколько человек поклонились и тихо удалились.

Многие люди придерживаются правила «не говори за едой и не говори во сне», Сяо Шань считал себя неспособным этому следовать.

«Не говори за едой» раньше, возможно, было возможно, но теперь, когда появился Се Чжуй, у него и мысли такой не было.

Что касается «не говори во сне», то это было тем более невозможно. Если в постели в разгар страсти не сказать ни слова, что толку от «старика, толкающего тележку»? И потом, Се Чжуй серьёзен и не застенчив, поэтому он, конечно, хотел, чтобы Се Чжуй под его руководством

познал другую жизнь.

Сяо Шань ел очень изящно, к тому же он был придирчив в еде, ел только то, что ему нравилось.

Напротив, Се Чжуй был более неприхотлив, он ел всё и очень чисто, не имея особых предпочтений в блюдах.

Сяо Шань не мог по манере еды Се Чжуйа определить его привычки и предпочтения, поэтому завел разговор: «Почему ты проснулся так рано, разве ты не устал вчера вечером?»

Се Чжуй, услышав эти слова, поперхнулся последним глотком каши и начал кашлять. Он не знал, покраснело ли его лицо из-за кашля, но оно было красным в любом случае.

Сяо Шань поспешно подошёл, похлопал его по спине, бормоча: «Ты в порядке? Почему ты такой неосторожный?»

Се Чжуй изо всех сил постарался остановить кашель, затем оттолкнул Сяо Шаня и покачал головой.

Не то чтобы его тело не было неуставшим, и ноги не ныли. Просто когда рассвело, он проснулся и, увидев Сяо Шаня, в его голове всплыли все звуки его собственной хриплой мольбы о пощаде прошлой ночью, и слова вроде «муж» и «добрый старший брат Сяо Шань».

Он привык быть невозмутимым. В армии не было недостатка в грязных шутках, но он никогда не обращал на них внимания. Главное, что в армии он часто сохранял холодное лицо, и на поле боя безжалостно убивал врагов, за что был известен как «железный генерал», и никто не осмеливался перед ним шутить или болтать глупости.

Но сегодня все было не так, как в прошлом. Когда он думал о словах, которые сказал Сяо Шаню, он чувствовал жар во всем теле. Если он не будет держаться подальше от этого человека, он чувствовал, что сгорит.

Поэтому он встал как можно тише, нашёл предлог и пошёл в кабинет.

Потому что он не хотел слишком рано сталкиваться с Сяо Шанем, он также попросил Цзи Аня не будить его.

В это время Се Чжуй в душе был и озадачен, и удивлен: Сяо Шань, будучи принцем, получил самое ортодоксальное, самое старомодное и самое строгое образование, но откуда он взял эти фривольные и развратные слова?

Поэтому некоторые вопросы Сяо Шань мог задавать, а Се Чжуй не мог ответить.

Сяо Шань, видя, что он поджал губы и его уши покраснели, спросил: «Ты поел?»

Се Чжуй поспешно кивнул: «Поел».

Сяо Шань встал: «Пойдем, я помассирую тебе поясницу».

Се Чжуй: «...Не надо, моя... моя поясница в порядке».

«В порядке или нет, надо помассировать», — Сяо Шань обернулся и улыбнулся: «Что, не веришь моему мастерству?»

Неизвестно, был ли он ослеплен этой красивой улыбкой до предела, или поясница действительно так сильно болела.

В любом случае, когда Се Чжуй очнулся, он уже уткнулся лицом в подушку, лежа на кровати.

Сяо Шань сказал, что помассирует ему поясницу, и он действительно это делал.

Пока массировал, ещё и просвещал: «На самом деле, массаж через одежду гораздо менее эффективен, чем массаж без одежды».

Услышав слова «без одежды», Се Чжуй вздрогнул, и его поясница напряглась.

Сяо Шань с первого взгляда понял, о чем он думает, но так как вчера вечером они заигрались допоздна, у Сяо Шаня сейчас действительно не было других мыслей. Конечно, в будущем это могло измениться.

У человека есть свои ночные прелести, и свои дневные.

Он хотел увидеть Се Чжуя и днём, и ночью.

Се Чжуй увидел, что Сяо Шань просто сказал эти слова и не делал ничего другого, и в глубине души немного презирал себя за то, что слишком много думал.

Однако, чтобы избежать того, чтобы Сяо Шань продолжал невзначай произносить те слова, которые заставляли его много думать, Се Чжуй, уткнувшись лицом в подушку, глухо спросил: «Ваше Высочество не ходит на утренний суд?»

По логике вещей, в возрасте Сяо Шаня он должен был бы присутствовать на утреннем суде. Но уже несколько дней Сяо Шань совсем не проявлял желания идти на утренние суды. Даже после их женитьбы Сяо Шань не должен был так долго не являться ко двору.

Се Чжуй не знал, не ошибся ли он в чём-то, например, что принцы могут оставаться дома и не ходить ко двору.

«Отец-император, конечно, хочет, чтобы я ходил ко двору, но мне не нравится атмосфера при дворе», — Сяо Шань знал, что он просто ищет повод для разговора, но всё же ответил на его вопрос: «Эти чиновники могут полдня спорить из-за какой-нибудь мелочи, а если действительно возникнет что-то сложное, они и слова не вымолвят».

«И потом, для утреннего суда нужно рано вставать, а я просто не могу встать, поэтому я и спорил с отцом-императором, не желая идти на утренний суд».

На самом деле, сначала Сяо Шань очень ждал утреннего суда, он тоже хотел узнать, как ведут себя гражданские и военные чиновники при дворе.

Но когда он это увидел, то всякое ожидание исчезло.

После двух дней посещения, ему стало немного не по себе, и он почувствовал себя очень уставшим.

Постепенно он стал засыпать, стоя на собраниях, и ни слова не слышал из того, что говорили другие. А затем, он стал каждые три дня или два дня жаловаться на небольшие недомогания, такие как боль в животе, лихорадка, отсутствие аппетита и так далее, и под этим предлогом не ходить на утренний суд.

Сначала император и Сяо Цзинь беспокоились о его здоровье, но потом поняли, что это были все болезни, которые он сам себе напридумывал, чтобы не ходить на утренние суды. Император злился до посинения, а Сяо Цзинь тоже говорил, что он безобразничает.

Впоследствии император стал закрывать глаза на его посещение утреннего суда. Однако у императора было и жёсткое требование: каждый месяц, независимо от того, болен он или нет, он должен был оставаться при дворе полмесяца.

Сяо Шань сначала спорил, говоря, что больной человек не может идти на утренний суд.

Император посмотрел на него и холодно усмехнулся: «Даже если ты будешь так болен, что не сможешь встать, я могу приказать, чтобы тебя принесли на утренний суд. А Императорская академия медицины находится недалеко от главного зала, так что удобно будет тебя лечить».

Его напугала властная аура императора, и ему пришлось с этим согласиться.

Сяо Шань недоумевал: другие с удовольствием болтались при дворе, например, его старший брат Сяо Жун, который мечтал провести там весь год.

Император был этим недоволен.

Он не хотел идти, мечтал каждый день оставаться дома, но император всё равно был недоволен.

Этот император был действительно своенравным.

Сяо Шань рассказывал о прошлом, и сначала Се Чжуй невнятно отвечал, но затем в комнате остался только голос Сяо Шаня.

Сяо Шань посмотрел на Се Чжюя и увидел, что тот, уткнувшись в подушку половиной лица, глубоко заснул.

Только тогда он убрал руки и осторожно накрыл Се Чжюя тонким одеялом.

При виде тёмной родинки на лбу Се Чжюя глаза Сяо Шаня потемнели. Ему захотелось погладить её, но он боялся разбудить его, поэтому воздержался.

Сяо Шань тихо ушёл, оставив Се Чжюя сладко спать в комнате.

Внутри и снаружи дворца царила тишина. Сяо Шань попросил поставить кушетку в длинной галерее и сидел на ней, греясь на солнце. Но он ещё не успел вдоволь погреться, как пришёл человек из Восточного дворца, сообщив, что Сяо Цзинь хочет его видеть.

Из Восточного дворца прибыл личный евнух Сяо Цзиня, Чан Ань, человек, которого все уважали.

А Сяо Шань, глядя на Чан Аня, сказал: «Возвращайся и скажи второму брату, что с моей матушки-наложницы еще не сняли обвинения, поэтому я не пойду».

Чан Ань беспомощно улыбнулся и сказал: «Наследный принц знал, что Ваше Высочество так скажет. Наследный принц сказал, что если вы не придете, то он сам лично придет к Вашему Высочеству сегодня вечером. Бедный наследный принц сейчас так слаб, что не может встать...»

—